

же экономической и иной помощи в рамках борьбы с данным явлением в 1993–1996 гг. Республика Беларусь начала проводить политику жесткого пограничного и иных видов контроля в лице пограничного ведомства, МВД и других правоохранительных органов.

В результате проведенных проверочных мероприятий и опроса лиц, вернувшихся либо депортированных из-за границы, установлены следующие виды трудовой деятельности белорусских граждан за рубежом:

работа в качестве чернорабочих в частных строительных организациях стран Восточной и Западной Европы;

работа в качестве сезонных рабочих на частных сельскохозяйственных предприятиях;

работа в качестве прислуги в частных домах;

трудовая деятельность в области шоу-бизнеса.

Пересечение государственной границы осуществляется как легально по действительным, так и нелегально по поддельным паспортам либо без документов.

Вербовка женщин для сексуальной эксплуатации осуществляется, как правило, гражданами Республики Беларусь, ранее занимавшимися противоправной деятельностью.

Исходя из того, что торговля людьми приносит большие прибыли ее организаторам, правомерно сделать вывод, что в будущем этот вид противоправной деятельности будет развиваться.

Проблемой является несовершенство законодательной базы по международному сотрудничеству с государствами, с которыми отсутствуют соответствующие соглашения о взаимной правовой помощи.

Мы считаем, что для противодействия торговле женщинами необходимо:

больше отражать в СМИ возможные негативные последствия выезда за рубеж молодых женщин в поисках высоких заработков;

в каждом пункте пропуска иметь плакаты, буклеты, вкладыши, предупреждающие о возможности попасть в сексуальное рабство, а также определяющие первоначальные действия женщин, попавших в такую беду;

создать автоматизированную программу пограничного контроля для выявления в пунктах пропуска групп риска среди женщин, выезжающих за рубеж;

для более эффективного выявления женщин, вывозимых за границу для сексуальной эксплуатации по поддельным паспортам, визам, усилить новыми техническими средствами аппаратуру по выявлению поддельных документов;

учитывая положительный опыт совместного белорусско-украинского проекта под эгидой МОМ, вернуть подобные проекты на всех направлениях государственной границы;

более целенаправленно выявлять и пресекать каналы финансирования и легализации преступных доходов, полученных от торговли людьми.

В.К. Кирвель, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Установление истины является одной из основных задач правосудия с глубокой древности до настоящего времени. Идет постоянное состязание между преступником, пытающимся скрыть истину, и правоохранительными органами, стремящимися ее установить.

Внимание практиков и теоретиков давно привлекало психофизиологическое состояние свидетелей, подозреваемых и обвиняемых в процессе решения вопроса о причастности или непричастности данных лиц к расследуемому преступлению. Еще на заре цивилизации была подмечена зависимость психофизиологического состояния свидетелей, подозреваемых и обвиняемых от складывающейся не в их пользу ситуации, реально угрожающей разоблачением. Этот психофизиологический феномен говорит о взаимосвязи между эмоциями, переживаниями человека и сопровождающими их объективными физиологическими изменениями, которые не поддаются сознательному, волевому контролю. Ложь человека по существенным для него фактам всегда сопровождается определенными эмоциями. Это объясняется тем, что человек опасается быть избалованным во лжи и испытывает страх перед возможным наказанием за совершенное (или скрываемое) преступление.

Тысячелетняя практика позволила выявить зависимость между ложью и некоторыми психофизиологическими реакциями на нее. Во все времена люди стремились разработать способы установления истины, начиная с анализа поведенческих реакций и заканчивая интуитивными, а впоследствии и инструменталь-

ными попытками измерения физиологических параметров организма человека как индикатора его эмоционального состояния. Эмоциональное напряжение лжеца может быть выявлено в различных формах, начиная с логического анализа поведенческих реакций, как в библейском сюжете о царе Соломоне, определяющем истинную мать младенца по характеру принятого ею альтернативного решения о передаче своего живого ребенка чужой матери, «ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему»¹, и заканчивая визуальной и слуховой фиксацией проявлений изменений физиологических параметров. Используемые в быту идиомы «врет и не краснеет», «от страха замерло сердце» или «от волнения пересохло горло» указывают на то, что некоторые эмоциональные состояния человека (например, страх, волнение и т.д.) сопровождаются выраженными физиологическими изменениями, которыми человек сознательно управлять не может или это бывает затруднительно, например нарушением частоты пульса, слюноотделением или двигательной активностью рук как реакцией на вопрос о причастности или непричастности к преступлению. На этой зависимости основывались различные испытания подозреваемого или обвиняемого, преследовавшие цель выявить такие изменения в их состоянии и сделать вывод о причастности или непричастности к преступлению. В летописях народов различных стран достаточно подробно описаны процедуры установления истины с помощью средств, доступных в те времена².

В.В. Бачила в своей работе приводит данные о судебном разбирательстве по обвинению в убийстве сборщика налогов во времена китайской династии, правившей более чем за 2500 лет до н.э.³ Установление истины древними китайцами базировалось на интуитивном знании и практических наблюдениях о взаимосвязи между эмоциями человека и сопровождающими их объективными физиологическими изменениями, а именно изменениями частоты пульса, которые содействовали распознаванию внутреннего состояния проходящего испытание.

А.М. Лариным описан случай разбирательства, упомянутый в старинном восточном предании. В общине случилась кража. Для установления истины в подобного рода ситуациях использовалась рисовая мука (рис). Старейшина с целью выявления вора приказал подозреваемым в краже членам общины подержать во рту, а затем выплюнуть на ладонь горсть рисовой муки. Один из подозреваемых выплюнул на ладонь сухую рисовую муку. Так был выявлен вор⁴. В основе данной процедуры лежали наблюдения человека, заметившего, что в период сильного страха во рту прекращается слюноотделение. У виновного страх перед разоблачением вызывал стресс и как следствие – физиологическую реакцию организма, ограничивающую работу слюноотделительных желез.

Другой пример описан П.В. Симоновым. Подозреваемому называли нейтральные и критические слова, связанные с деталями преступления. Человек должен был отвечать первым пришедшим ему на ум словом, и одновременно тихо ударять в гонг. Было отмечено, что ответ на критическое слово сопровождается более сильным ударом⁵.

Таким образом, предпосылки использования внешних проявлений физиологических изменений в организме человека вследствие эмоциональных переживаний для установления истины были созданы еще на заре цивилизации. Эти и подобные испытания встречались у различных народов, живших в разные времена и вдали друг от друга вплоть до середины XX столетия.

Американский этнограф Г. Райт описал один из примеров процедуры выявления виновного в Западной Африке: «Колдун указал на несколько человек, стоявших в стороне. Их вытолкнули в центр круга. Колдун повернулся к вождю и сказал: “Один из этих людей вор”. Колдун вышел вперед и протянул одному из шести обвиняемых небольшое птичье яйцо. Его скорлупа была столь нежной, что казалась прозрачной. Было ясно, что при малейшем нажиме яйцо будет раздавлено. Колдун приказал подозреваемым передавать яйцо друг другу. Кто виновен, тот раздавит его и тем самым изобличит себя. Когда яйцо дошло до пятого, его лицо вдруг свела гримаса ужаса, и предательский желток потек между пальцами. Несчастный стоял, вытянув руку, с которой на землю падала скорлупа, и его дрожащие губы бормотали признание»⁶.

Анализируя описанные выше способы, можно сделать вывод, что для выявления виновного «дознаватели» всех времен прибегали к контролю показателей отдельных физиологических процессов (частоты пульса, слюноотделения, двигательной активности рук и т.д.). При этом требовалось наличие достаточно чувствительных регистраторов физиологических изменений в организме людей при прохождении ими испытания. Роль таких регистраторов как раз и выполняли горсть рисовой муки, гонг, яйцо с хрупкой

¹ Библия. Книги Ветхого Завета: Третья Книга Царств. Гл. 3. Псалом 16–28.

² См.: Росциус Ю.В. Именем Господа Бога // Знак вопроса. М.: Знание. 1995. № 2. С. 56–89.

³ См.: Бачила В.В. О применении правоохранительными органами нетрадиционных способов получения информации в процессе раскрытия и расследования преступлений // Формирование основ конституционного государства в Республике Беларусь: Сб. науч. тр. Новополоцк: ПГУ, 2001. С. 198.

⁴ См.: Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: Науч.-практ. и учеб. пособие. М.: БЕК, 1996. С. 135.

⁵ См.: Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека: мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975. С. 128.

⁶ Райт Г.В. Свидетель колдовства. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 103.

скорлупой или что-либо иное. Очевидно, что данные способы базировались на интуитивном знании психологии и физиологии.

Истоки правовых норм, регулирующих использование психофизиологических методов установления истины, основанных на интуитивном знании психологии и физиологии, мы видим в Инструкции разоблачения отравителей, на которую ссылается античный автор Ведас (IX в. до н.э.)¹. Исторические памятники также свидетельствуют о фактах использования внешних проявлений физиологических изменений в организме человека вследствие эмоциональных переживаний свидетелей для установления истины в уголовном судопроизводстве. Так, в сборнике законов Древней Индии, названных именем мифического прародителя людей Ману, составленном в V в. до н.э., обращается внимание судьи на необходимость подмечать признаки поведения свидетеля, по которым можно сделать вывод о лжесвидетельстве: «Те, которые переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лицо которых покрывается потом и меняется в цвете, которые отвечают медленно, голосом, дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом и которые непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса, те подозреваются в лживости жалобы или свидетельства»².

В своем большинстве правовые нормы того времени, регулирующие использование внешних проявлений физиологических изменений в организме свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, вследствие эмоциональной напряженности, испытываемой ими при прохождении испытаний по установлению истины, представляли собой нормы материального права – обычаи, ордалии (Суды Божьи). Пережив века, нормы материального права получили свое отражение в первых сводах законов. Так, составленное в XI в. при князе Ярославе Мудром первое собрание гражданских уставов Древней Руси, получившее название Русской Правды, разрешало применение «судов божьих» в тяжбах между гражданами, указывая, что истец может требовать, чтобы ответчик оправдался испытанием железом либо водою.

Комментируя указанный свод законов, историк Н.М. Карамзин отмечал, что «древние россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников – обыкновение безрасудное и жестокое... Народ думал, что богу легко сделать чудо для спасения невинного»³.

На основании изложенного можно прийти к следующему умозаключению: в период от рабовладельческого до капиталистического строя были заложены предпосылки правового регулирования инструментальной диагностики истины.

Только в конце XIX в. были созданы естественнонаучные, теоретические и технические предпосылки и условия по созданию технических средств для установления истины, впоследствии получивших названия пневмографа, плетизмографа, гидросфигмографа, детектора лжи, полиграфа и т.д.

Толчком для развития инструментальной диагностики установления истины послужила работа итальянского физиолога А. Моссо (1875 г.). Используя плетизмограф – прибор для измерения артериального давления и изменений пульса, – он в своих исследованиях показал, что в зависимости от величины эмоционального напряжения меняется и ряд физиологических показателей исследуемого. Было установлено, что артериальное давление и частота пульса меняются в зависимости от изменения эмоционального состояния испытуемого, в частности ощущения страха. Выполненные эксперименты навели А. Моссо на мысль, что «если страх является существенным компонентом лжи, то такой страх может быть выделен»⁴.

В 1887 г. А. Стикер выдвинул гипотезу о возможности использования электрической активности кожи для выявления лжи.

Известный итальянский криминолог и психиатр Ч. Ломброзо в 1895 г. опубликовал книгу «Criminal Map», где впервые изложил положительные результаты использования гидросфигмографа для допроса преступников. Прибор регистрировал изменения объема ладони, опущенной в емкость с водой, связанные с изменениями давления крови.

Их идеи в начале XX в. повлекли за собой проведение исследований с применением примитивных устройств, направленных на обнаружение возможно скрываемой человеком информации по психофизиологическим реакциям. М. Вертгеймер, Г. Мюнстерберг, В. Марстон, В. Бенусси, Г. Барт и другие проводили исследования о влиянии эмоций на функционирование сердца, дыхания и электропроводности кожи. На базе этих исследований определяли психофизиологическое состояние испытуемого, связанное с реакцией на поставленные критические вопросы. Так, в 1904 г. было опубликовано исследование М. Вертгеймера «Идеи по поводу экспериментальных методов, пригодных для установления причастности лица к преступному акту». Системный подход к проблеме расследования преступлений с применением теории «следов» привел автора к выводу о возможности выявления «у преступника скрываемых сведений о совершенном им деянии иным

¹ См.: Technika kryminalistyczna // Pod red., W. Kedzierskiego. Szczytно: Wydawnictwo Wyzszej Szkoły Policji, 2002. Т. 1. Ст. 208.

² Цит. по: Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Мн.: Выш. шк., 1973. С. 33.

³ Карамзин Н.М. Предания веков. М.: Правда, 1988. С. 144.

⁴ Trovillo P.V. A history of the lie detection // Journal of criminal law and criminology. 1939. V. 29. № 6. P. 859.

способом, чем их словесными заявлениями»¹. М. Вертгеймер утверждал, что физиологические изменения в организме испытуемого могут быть надежной формой определения следов преступления.

Идея о некотором присутствии прошлого в органической системе человека привела к попытке разработки метода вызова или пробуждения этого прошлого, обращение к которому нашло свое выражение в методе ассоциаций, впервые предложенном Ф. Гальтоном в 1879 г. и усовершенствованном в дальнейшем В. Вундтом и К. Юнгом. Общеизвестно, что преступления, особенно тяжкие, принадлежат к числу аффективных событий, потому оставляют следы в памяти лиц, переживших преступление, и отсутствуют у лиц, не имеющих отношения к таковому.

Для обозначения указанной методики ученый предложил использовать термин «диагностика состава преступления». М. Вертгеймер писал, что «диагностика состава преступления» направлена на выявление объективно существующих симптомов, которые сформировались у преступника как следствие совершенных им преступных деяний независимо от его словесных заявлений или даже вопреки им.

Следует отметить, что с юридической точки зрения термин «диагностика состава преступления» некорректен, так как под составом преступления в уголовном праве понимается совокупность предусмотренных законом признаков, характеризующих деяние как преступление: объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон преступления. Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков указывает на отсутствие в действиях лица состава преступления. Поэтому речь может идти не о «диагностике состава преступления», а лишь о диагностике наличия в памяти испытуемого следов, относящихся к составу преступления, благодаря их аффективному характеру. Осведомленность испытуемого лица о фактах, непосредственно относящихся к составу преступления, дает основание говорить о его возможной причастности к расследуемому деянию.

В 1908 г. немецкий психиатр Г. Мюнстерберг выступил за применение приборов, измеряющих артериальное давление, для выявления лжи в свидетельских показаниях. С этого времени начинает активно развиваться поиск средств контроля правдивости показаний свидетеля.

Среди американских исследователей того времени необходимо отметить психолога и юриста В. Марстона, который занимался проблемой ложного свидетельства в суде. В 1913 г. он провел научные исследования по использованию сфигмографа для установления истины. Прибор регистрировал изменения артериального давления испытуемого. В. Марстон утверждал, что может обнаружить ложь испытуемого при помощи измерения артериального давления. Помимо реального вклада в становление инструментального метода определения истины В. Марстон известен тем, что окрестил применявшийся в этих целях прибор сфигмограф детектором лжи. В дальнейшем широкому распространению этого термина способствовала книга В. Марстона «The lie detector test» (1938).

Необходимо отметить, что многие ученые неоднократно подчеркивали рекламный и популистский характер термина «lie detection». Так, П.И. Гуляев и И.Е. Быховский высказали мнение, что «это название нельзя признать удачным, поскольку речь идет не о разоблачении лжи или установлении вины, а об инструментальном методе регистрации физиологических параметров определенного лица с целью диагностики причастности»². В то же время необходимо отметить, что вряд ли удастся избежать термина и «детектор лжи», так как в течение многих лет он широко использовался в научной литературе.

В 1914 г. итальянец В. Бенусси использовал пневмограф – прибор для регистрации дыхания – при проведении допросов подозреваемых. В качестве информативных показателей использовались частота и глубина дыхания. В результате проделанной им исследовательской работы установлена взаимосвязь между ложью подозреваемого и его дыханием. По теории В. Бенусси, отношение продолжительности вдоха к продолжительности выдоха увеличивается, если человек говорит неправду. Эти данные частично подтверждены Г. Бартом в 1918 г.

Эксперименты работы В. Марстона в области инструментальной диагностики истины привлекли внимание А. Вольмера, бывшего в то время руководителем полиции в Беркли (Калифорния). Он поручил своему подчиненному Д. Ларсону сконструировать прибор, регистрирующий ложь, используя достижения современной науки. Данный прибор был создан в 1921 г., он непрерывно регистрировал дыхание, пульс и артериальное давление на движущейся бумажной ленте. В 1922 г. в журнале «Journal of criminal law and criminology» Д. Ларсон опубликовал описание кардио-пневмо-психографа и его применение при изучении эмоций в раскрытии преступлений³.

Однако решающий вклад в становление инструментального психофизиологического метода установления истины внес криминалист Л. Киллер, помощник и ученик Д. Ларсона, усовершенствовавший в 1926 г. его прибор. Он ввел канал регистрации кожного сопротивления испытуемого с помощью гальванометра, что значительно повысило точность результатов при проведении исследований. Затем он соеди-

¹ Цит. по: Сюзини Ж. Полицейская хроника. М.: ВЦП, 1991. С. 4–5.

² Гуляев П.И., Быховский И.Е. Исследование эмоционального состояния человека в процессе производства следственно-го действия // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: КВШ МВД СССР, 1972. Вып. 9. С. 103.

³ См.: Сюзини Ж. Указ. соч. С. 5.

нил отдельные устройства, регистрирующие давление крови, частоты пульса, дыхания и кожного сопротивления, в один портативный переносный аппарат, о котором высказал следующее мнение: «Такой вещи, как “разоблачитель лжи”, не существует ... Однако ложь, виновность или невиновность могут быть диагностируемы по известным симптомам так же, как аппендицит, параноя и иные физические или душевные болезни. В каждом случае проводящий обследование должен ставить диагноз на основании осязательных симптомов, пользуясь при этом каким-либо механическим пособием, находящимся в его распоряжении»¹.

В 1930 г. в Чикаго для борьбы с преступностью была создана Лаборатория научного расследования преступлений, в которую был приглашен Л. Киллер, специализировавшийся на выявлении ложных показаний свидетелей и подозреваемых с помощью полиграфа.

В 1935 г. Л. Киллер, продолжая работу в области применения полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений, разработал методику испытаний на данном приборе. В 1938 г. он основал школу по подготовке операторов полиграфа и фирму для выпуска этих приборов.

С 1935 по 1938 г. он обследовал около 2200 лиц, проходящих по уголовным делам и лишь в 12 случаях получил неверный результат². Полученные с его помощью данные рассматривались в качестве ориентирующей информации при расследовании преступлений и не имели доказательственного значения.

Таким образом, предпосылки использования инструментального психофизиологического метода установления истины возникли еще в первобытнообщинном обществе и были обусловлены необходимостью коллективного общения людей, когда конфликты внутри рода (племени) начали разрешаться третьей стороной (вождем, советом старейшин), когда возникла необходимость установления истины. Пережив тысячелетия, испытания по установлению истины встречались у самых разных народов, живших в разные времена и вдали друг от друга, вплоть до нашего времени.

В период от первобытнообщинного до капиталистического общества низкий уровень цивилизации не мог способствовать применению научно обоснованных методов и созданию технических средств для установления истины, но были известны десятки методов и средств определения причастности или не причастности человека к совершенному преступлению, которые были выражены в нормах материального права, известных как ордалии, базировавшихся на интуитивном знании психологии и физиологии человека.

С развитием технических средств и методики использования психофизиологического метода установления истины обозначились эτικο-моральные, естественнонаучные аспекты применения полиграфа в процессе раскрытия преступлений. Правовые проблемы учитывались меньше, так как метод проходил стадию своего становления и полученные результаты не имели доказательственного значения. С появлением полиграфа в качестве инструмента, способствующего раскрытию преступлений, одновременно возникла и проблема законности его применения, которая остро обсуждается и по сей день.

Решением данного вопроса является разработка и внедрение теоретико-правовых положений по использованию новых методов и средств для противодействия современной преступности при строгом соблюдении законности.

И.И. Мах, заведующий кафедрой государственного права факультета управления и социальных технологий БГУ, кандидат юридических наук, доцент

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Формам и методам деятельности органов исполнительной власти, в их юридическом аспекте, посвящено много исследований³, однако пока нет единства мнений относительно содержания указанных категорий и их общепринятой классификации.

То обстоятельство, что все новые и новые авторы пытаются разрешить этот вопрос, свидетельствует о его непреходящей актуальности. Следует также учесть, что действующее законодательство пока не дает возможности точно ориентироваться в вопросе о формах и методах административно-надзорной дея-

¹ Полянский Н.Н. Проблема «механизации» уголовного процесса в США // Совет. государство и право. 1941. № 1. С. 116.

² См.: Сюзини Ж. Указ. соч. С. 6.

³ См.: Советское административное право. Формы и методы государственного управления. М., 1976; Бахрах Д.Н. Административное право: Учеб. М.: БЕК, 1999; Административное право и административный процесс Республики Беларусь. Мн.: Изд-во БГУ, 2002.